

8. Советская историческая энциклопедия. Том 13. / под ред. Е. М. Жукова. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – 1146 с.
9. Стрелец М.В. Вилли Брандт и реалии XX в. / М.В. Стрелец // Вопросы истории. – 2013. – № 9. – С. 149-159.
10. Бонвеч Б. История Германии. Том 2. От создания Германской империи до начала XXI века / Бонвеч Б. – М. : «КДУ», 2008. – 226 с.
11. История России. Хельсинский акт (СБСЕ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://istoriarusi.ru/cccp/xelsinskiy-akt-sbse-1975.html>. – Загл. с экрана. – Дата обращения : 10.10.2020.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР В ПРИГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОГО РЕГИОНА)

Н. Н. Ковалёва

Пограничье представляет собой уникальное социокультурное явление, исследовать которое необходимо в ретроспективе, с учетом исторического измерения. Культура пограничья всегда полиэтнична, и это результат как естественного процесса сосуществования и развития различных этносов в регионе, так и культурной политики, проводимой государственными структурами. Западно-белорусский регион является в этом плане ярким примером.

На протяжении XIX века главной задачей культурной политики в западно-белорусском регионе, куда, исходя из этно-социальных и конфессиональных особенностей, включаются Вилейский, Диснянский, Лидский, Ошмянский уезды Виленской губернии, Новогрудский и Слуцкий уезды Минской губернии, Гродненский, Волковысский, Слонимский уезды Гродненской губернии, а также Брестский, Пружанский и Кобринский уезды Гродненской губернии («Западное Полесье»), была ассимиляция местного населения, которое должно было стать частью русской нации, поэтому долгое время за ним не признавалось этнических отличий. Причем после восстания 1863 года происходит ужесточение этого курса, в конце XIX века – некоторая либерализация, что не меняет его общей направленности. Проводимая политика не могла быть однозначной по отношению к представителям различных этнических групп. Первая Всеобщая перепись 1897 г., в процессе проведения которой национальная принадлежность определялась по родному языку, показала безусловное преобладание в регионе белорусско-язычного населения, за исключением Брестского и Кобринского уездов, где соответственно 64,3 % и 79,5 % из общего числа населения составляли малороссы. Процент польско-язычного населения колебался от 1,39 % в Пружанском уезде до 5,66 % в Гродненском уезде, еврейского – от 9,52 % в Вилейском уезде до – 20,78 % в

Брестском уезде (подсчитано автором по данным Первой Всеобщей переписи 1897 г.) [1, 11, 13, 17].

Местное, в большинстве своём православное, население, говорящее на так называемых, белорусском и малороссийском наречиях русского языка, сравнительно легко приобщалось к ценностям русской культуры, прежде всего, через сферу образования. Однако полной ассимиляции не получилось, так как большая часть крестьянского населения, неграмотная, далёкая от сферы образования, от книжной культуры, сохраняла свою самобытность. Произошла аккультурация некоторой части белорусского и украинского этносов, понимаемая как процесс восприятия культуры другого народа. Характерно, что среди этой наиболее образованной части белорусского и украинского этносов получили наибольшее распространение идеи возрождения и развития белорусской и украинской культуры.

Иным было отношение администрации региона к польской культуре, чьё мощное влияние считалось главным препятствием на пути реализации поставленной задачи. Для вытеснения польского языка из сферы образования, делопроизводства, книгоиздания применялись запретительные меры. Предпринималась даже попытка русификации костёла путём «введения в белорусских католических приходах дополнительного богослужения на их родном языке» [2, 193]. Возникает также идея ограниченного использования местных «наречий» в образовательных учреждениях как средство борьбы с полонизацией. Косвенным образом эти меры способствуют росту национального самосознания белорусов и украинцев. В результате нарастает напряжённость между этническими культурами региона, перешедшая в начале XX века в открытый конфликт между ними. Ещё более острой становится конфликтность каждой из этих культур с доминирующей русской культурой в связи с формированием национальных проектов, направленных на создание национальных государств.

С началом Первой мировой войны практически весь западно-белорусский регион, за исключением Диснянского и Слуцкого уездов, был оккупирован немецкими войсками. Культурная программа немецких властей была ориентирована на то, чтобы изолировать оккупированные земли от культурного влияния России и обеспечить лояльность местного населения по отношению к новой власти. Обещая отказаться от онемечивания и одинаково относиться ко всем национальностям и религиозным сообществам, оккупационные власти начали формирование школ по конфессионально-национальному принципу. В генеральном округе Белосток-Гродно руководство Обер-Ост с конца 1916 г. стало организовывать белорусские начальные школы. Впервые со времён Великого Княжества Литовского белорусский язык был признан как один из официальных и равноправных языков края, что имело не только культурное, но и политическое значение» [3, 77, 85]. Германская культурная политика

удовлетворила в некоторой степени и интересы украинской части населения западно-белорусского региона, так как на Брестчине стали создаваться украинские школы. Однако политические шаги новой власти, в частности непродуманное решение территориального вопроса (передача территории к югу от Брест-Литовска до Гомеля Украинской Народной Республике) вели к обострению белорусско-украинских противоречий.

С 1921 года практически весь западно-белорусский регион вошел в состав Польского государства, культурная политика которого была направлена на полонизацию местного населения. Главным фактором, облегчающим решение этой задачи, являлась слабо выраженная самоидентификация населения региона, значительная часть которого не относила себя ни к белорусам, ни к украинцам, а именовалось «тутэйшыя». Процесс полонизации оказался успешным лишь в отношении католиков и незначительной образованной части местного населения.

С установлением советской власти в 1939 году в западно-белорусском регионе радикально меняется направленность культурной политики. Если в начале XX века главной целью культурной политики властей была русификация, в межвоенный период – полонизация, то сейчас культурная политика подчинена решению задачи внедрения коммунистической идеологии, то есть имеет наднациональный характер. Реализуемая задача советизации региона предполагала решение проблем культурной политики в духе коммунистической идеологии: утверждать равенство наций, устранив при этом привилегированное положение поляков и создав преимущества нациям, ранее подвергавшимся дискриминации (белорусам, украинцам, евреям). С пропагандистской целью ставка делалась на белорусизацию, хотя в БССР от политики белорусизации давно отказались.

Если в БССР в 1920-е годы политика белорусизации имела под собой серьёзную социальную базу в виде безусловного преобладания белорусско-язычного населения, то в Западной Беларуси ситуация была иной. По данным белорусских историков, в 1931 г. в Виленском, Новогрудском и Полесском воеводствах поляки составляли около 12 % населения, украинцы – 5,8 %, евреи – около 9 %, литовцы – более 3 %, русские – 2 %, белорусы – 67 % [4, 370-371]. В городах преобладало польское и еврейское население. По данным переписи 1931 г., из 40 605 жителей Бреста поляки составляли 13 454 (33,1 %), украинцы – 1237 (3 %), евреи – 19 693 (48,3 %), русские – 4951 (12,2 %), белорусы – 1370 (3,4 %) [5]. Национальный аспект культурной политики реализовывался, прежде всего, через политику в области образования. Однако в деле белорусизации школ возникли серьёзные трудности, связанные с тем, что большинство населения не знало литературного белорусского языка, не имело развитого национального самосознания, практически отсутствовали учебники и преподавательские кадры, владеющие белорусским языком. С 1940 года начался процесс реорганизации белорусских школ в русские. Большую роль в

этом сыграли так называемые «восточники» – переселенцы из восточной Беларуси и других регионов СССР, за счет которых в значительной степени комплектовались руководящие кадры и которые руководству республики представлялись более благонадёжными. «Восточники» являлись в своём большинстве носителями русской культуры, среди которых даже этнические белорусы давно отказались от белорусского языка и, будучи научены горьким опытом контрбелорусизации, относились к белорусскому языку и белорусской культуре с осторожностью и даже с пренебрежением. Делая ставку на белорусизацию, руководство республики предполагало учитывать интересы и других этнических групп, создавая национальные школы (русские, еврейские, польские и украинские) в зависимости от особенностей национальной структуры населения. Однако в большинстве случаев эта установка нарушалась, что возбуждало недовольство, прежде всего, польско-язычного населения. Очень негативно представители польской этнической группы воспринимали выдвигание в хозяйственные и государственные органы евреев, чей образовательный уровень был, как правило, выше, чем у белорусов. Имевшие место еврейские погромы исследователями трактуются по-разному: как антисемитизм, или как антисоветизм.

Таким образом, культурная политика большевиков в западно-белорусском регионе, имевшая результатом советизацию, оказала в то же время существенное влияние на изменение характера динамики культур. В результате недостаточного учёта национальной специфики региона, ситуация полного господства польской культуры, дополняемая жестким неприятием иных этнических культур, сменилась ситуацией господства русской культуры, отождествляемой с советской, настороженным отношением к польской и, можно сказать, безразличным отношением к культуре других национальных меньшинств.

Что же представляет собой сегодня белорусско-украинско-польское пограничье? Сегодня в пограничье, где стыкуются две цивилизации, две основные христианские конфессии (это обстоятельство определяет главные из регионообразующих факторов – культурные, которые включают традиции, ценности, обряды, язык, верования, ментальность проживающих на территории региона народов) и три национальных государства продолжается межкультурный диалог. В диалоге участвуют, по меньшей мере, 4 субъекта: 1) сформированная в течение столетий деревенская украинско-язычная (полесский диалект) культура; 2) доминирующая в официальной сфере русская культура города и интеллигенции; 3) очень слабо выраженная белорусская культура, почти отсутствующая в сфере образования, в незначительной степени представленная в средствах массовой информации и практически отсутствующая в повседневном общении; 4) когда-то доминирующая в регионе, а сейчас сохраняемая польским национальным меньшинством, польская культура. К сожалению,

практически исчезла в регионе вместе с катастрофическим уменьшением численности её носителей, еврейская культура.

Таким образом, можно сказать, что предпринятые на протяжении последних двух столетий две попытки ассимиляции населения региона, прошедшие под флагом русификации и полонизации, не уничтожили этнических культур. Краткий анализ истории их взаимоотношений позволяет судить, что имели место различные варианты межкультурного диалога: и категорическое отрицание другой культуры, и настороженное отношение к другой культуре, и совпадение убеждений и ценностей (о подобных возможных вариантах межкультурного диалога пишет Н. Н. Сокольских [6, 136]). Результатом межкультурного диалога в пограничье стало исчезновение культурной границы между этническими группами в пространственном смысле и размытое этническое самосознание. Практически любой житель региона ощущает свою принадлежность ко всем перечисленным выше культурам: по рождению, по родственным связям, по воспитанию, по образованию, что рождает определённое мироощущение так называемой «гибридности». Теоретик постколониализма Хоми Бхабха, говоря о культурной гибридности в положительном ключе, выдвигает концепцию «лестницы», как некоего опосредующего пространства во взаимодействии идентичностей [7, 164]. Эта концепция в условиях белорусско-польско-украинского пограничья, где взаимопроникновение культур зашло очень далеко, более приемлема, чем концепция «плавильного котла», реализуемая в США.

Не отрицая эффективности широко пропагандируемой на Западе политики мультикультурализма, ставящей своей целью сохранение малых этнических групп с их культурными особенностями, традициями и обычаями согласимся с теми исследователями, которые считают, что для осуществления межкультурного диалога высокую значимость имеет свобода самоидентификации, самовыражения и самоутверждения личности [8, 7-8]. Действительно, мало кто из современных людей стремится ограничить себя рамками одной национальной культуры. И пример «гибридности» жителей пограничья это подтверждает. Культурная политика государства должна строиться таким образом, чтобы обеспечить право каждого индивида на свободный выбор своей культурной идентичности, которая не всегда совпадает с национальной, либо этнической принадлежностью и может изменяться в течение жизни.

Литература

1. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под редакцией Н.А. Тройницкого. Выпуск 7. Наличное население обоёго пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков – 1905: Паровая Типо-Литография Н.Л. Ныгина. Измайловский полк, 7 рота, дом № 13. – 38 с.
2. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.: ил.

3. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. Навуковае выданне. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. — 340 с.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М.Касцюк (гал. рэдактар) і інш. – Мн.: Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
5. Государственный архив Брестской области. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 595.– Л. 157.
6. Сокольников Н.Н. Диалог пограничных культур / Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2007. № 31: Общественные и гуманитарные науки.
7. Хоми Бхабха. Местонахождение культуры // Перекрёстки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3-4. –Европейский гуманитарный университет. 2005. – 227 с.
8. Бабосов Е.М. Возрастающая значимость межкультурного диалога в условиях нарастающих глобальных рисков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф., Минск, 17–18 мая 2016 г. / науч.-ред. совет: А. В. Данильченко [и др.]. – Минск: РИВШ, 2016. – 236 с.)

НОЧНЫЕ ВЕДЬМЫ В НЕБЕ НАД КУБАНИЮ

С. А. Меганов, Д. В. Федоров

Участие женщин в войне – это тема, которая особо интересна молодому поколению, выходящему на уровень самоопределения. Женщины в летопись войны вписали много героических страниц. Но вот судьба женщин в военной авиации на должностях лётного состава является событием, на мой взгляд, достойным высокой общественной оценки, а участие в Великой Отечественной войне числа женщин-авиаторов в составе женского авиационного полка – беспрецедентным во всемирной истории. Итак, кто же они, «ночные ведьмы» и какова их роль в истории освобождения Кубани?

Если говорить о воздушных боях на юге, то это масштабные сражения советской и немецкой авиаций в апреле – октябре 1943 года над низовьями Кубани, Таманским полуостровом и Новороссийском. Апрель-июнь 1943 года – это начальный этап воздушного сражения, включавшего в себя захват станицы Крымской, которая была одним из важнейших узлов немецкой обороны.

В этот период советское командование поставило цель: разгромить немецкую 17-ю армию, которая оборонялась на подступах к Таманскому полуострову. В апреле 1943 года наступление войск Северо-Кавказского фронта, к сожалению, около месяца не имело успеха, так как противник создал мощную оборону с использованием выгодной местности – зарослей тростника, рогозы, осоки, ив и других растений на затапливаемых поймах и в дельтах рек Кубань, Адагум. Гитлеровское командование хотело удержать преимущество своей авиации, поэтому к началу апреля